

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

Редакція: РЕВЕЛЬ, Вышгородскій бульваръ
(Toompea puistee), № 17-А, кв. 14.
Контора: Ратушная площадь (Sinig turg), 17.
Редакторъ принимаетъ съ 1½ до 2½ час.
Контора открыта съ 9 до 4 часовъ

Цѣна отдѣльнаго номера 5 марокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 1 мѣсяцъ безъ дост. . . 100 мар.
: : съ доставкой . . . 115 :
: : для иногородн. . . 130 :
: : за границу . . . 170 :

О В ъ Я Н Л И М І Я
на 1 м.м. въ одинъ столбчикъ
на 4 стр. 2 м. 50 н. на 1 стр. 4 м. 50 н.
въ газетѣ 5 мар.
Для иностр. объявленій — въ контора
два дороба. — Предложенія труда и
рекламы экстрактовъ — 30 пром. дороба.

Статьи для помѣщенія въ газетѣ просить присылать
по адресу редакція, на имя Р. С. Лихницкаго; они
должны быть четко написаны на одной сторонѣ листа
за подписью автора и съ адресомъ. Редакція сохраняетъ
за собою право сокращать и измѣнять рукописи.
Непринятые рукописи не возвращаются.

№ 230.

Четвергъ, 22-го сентября 1921 г.

II годъ изданія.

БѢЛОЕ СЕРДЦЕ.

*Ласковымъ словомъ
наде дѣлается.*

БѢЛОЕ СЕРДЦЕ. Эти два слова — заглавіе одного изъ рассказовъ ремизовскаго петербургскаго цикла — живой образъ самого Алексѣя Михайловича Ремизова. БѢЛОЕ СЕРДЦЕ.

И нѣсколько лѣтъ назадъ, когда еще не существовало дѣленія людей на „красныхъ“ и „бѣлыхъ“, и черезъ нѣсколько лѣтъ, когда съ нихъ уже соскоблются, отпадутъ политическіе ярлычки, было и будетъ понятнымъ любому чуткому человѣку: Ремизовъ — бѢЛОЕ СЕРДЦЕ. Близка не политическая платформа, а духа звѣздного, просвѣтленнаго навсегда, даже въ нечеловѣческой боли, даже въ черномъ изо дня въ день четырехлѣтнемъ страданіи.

Оставивъ въ Петроградѣ все, съ чѣмъ онъ связанъ, — а творецъ, одухотворяющій вокругъ себя письменный столъ, книгу и лампу, котильоннаго дрожащаго паука и волна изъ хитро-изогнувшася можжевеловаго корня, теряетъ въ насыщенномъ мѣстѣ больше, чѣмъ любой владѣлецъ барской квартиры съ гобеленами и венецианскими зеркалами, — все бросивъ, Ремизовъ привезъ съ собою тихую, ласковую улыбку и слово. Богатство драгоценнѣйшее.

Въ сотняхъ фельетоновъ, рассказовъ и замѣтокъ, написанныхъ подчасъ высокоодаренною рукою, русскія заграничныя газеты сотни разъ распеивали Россію и русскаго человѣка на четырехконечномъ крестѣ — четырехъ годахъ большевизма. И слова о разстрѣлахъ, о чудовищныхъ издѣвательствахъ, о голоданіи притупились, какъ будто не ранятъ, не жалитъ уже. Безсильно взмахиваетъ одна и та же окровавленная палка. Тупыми ударами ложатся повторныя напоминанія о пережитомъ нами и переживаемомъ нашими близкими въ Россіи.

Слово Ремизова, когда онъ говоритъ о придурочномъ Петроградѣ, — никогда не эффектная выдумка, никогда не трафаретъ ужасовъ. А развѣ мы не знаемъ сотенъ такихъ трафаретовъ, переставшихъ уже волновать?

Ремизовъ подслушалъ у краснаго Петрограда и принесъ намъ самые тихіе, самые, на первый взглядъ, неяркіе „шумы города“. Не

полыханье орудій, не сухой раскатъ залпа при разстрѣлѣ, не многоголосый казенный „интернациональ“ — онъ подслушалъ крикъ ребенка, говоръ измученныхъ женщинъ, звонъ бубенчиковъ на ошейникѣ уцѣлѣвшей у коммуниста-продовольственника собаки „Находки“. Подслушалъ тишину въ холодной квартирѣ, гдѣ мать готова принять смерть въ тупомъ отчаяніи безсилія. Подслушалъ „голодную пѣсню“ стараго калѣки-китайца и трескъ послѣдней отдираемой доски послѣдняго забора на Васильевскомъ.

Эти „шумы города“, претворенные въ книгу — одну изъ наиболѣе яркихъ книгъ за всѣ послѣдніе годы, скоро станутъ достояніемъ русскаго читателя.

Въ прошлую пятницу, 16 сентября, въ Ревелѣ писатель подѣлился съ нами живымъ словомъ, интонаціями голоса, авторской, творческой передачей написаннаго имъ за четыре года „молчанія свободы“.

„Мои гости — бѣда и несчастье. И глаза мои — къ слезамъ, какъ мои уши — къ стону. А сердце дышетъ болью. И я знаю, торжествующій и довольный никогда не постучать въ мою дверь. Я знаю, ко мнѣ придетъ только съ бѣдой.“

Такъ чувствовалось творцу тамъ, въ Петроградѣ, гдѣ грань между „торжествующими и довольными“ и чуткимъ художникомъ, бѣлымъ сердцемъ, столь велика — незаполнимая пропасть.

Мы здѣсь — далеки отъ торжества и довольства, оторванные отъ родной земли, и... глаза наши были къ слезамъ, уши — къ стону. Творчество Ремизова сдѣлало насъ гостями бѣды и несчастья русскаго, приобщило къ русской неизбыточной боли.

Ремизовъ — изумительный чтець. Не нужно ни занимательной фабулы, ни театральнаго эффекта, чтобы слушать его часами, какъ слушали ревельцы въ небольшой залѣ восточнаго Национальнаго Музея.

Фабулы за рѣдкими исключеніями и не видите въ „Шумахъ города“. Это — одна живая боль бѣлаго сердца.

„Будь мои слова огнемъ — огнѣ огня, мои слова не прожгутъ суроваго человѣческаго сердца, но и ничего не могу подѣлать

съ моимъ сердцемъ, которое захлебывается отъ этой гложущей боли!...“

Ремизовъ заставилъ каждого пробѣдить свое собственное сердце, свою способность стозваться на стоны и слезы придурочныя. Заставилъ пробѣдить, спрашивая: „Кому легко, кому счастливо, кто можетъ быть счастливымъ на твоёмъ пожарницѣ быломъ, на бѣлой могилѣ твоего погубленнаго мира? Какой звѣрь или какая оскаленная, косматая душа или душа придуроченная, какъ трухлявый, червивый грибокъ, или сердце, какъ оглоданная, сухая кость?“

И были слезы, и была тишина въ залѣ даже въ минуты, когда молчалъ творецъ, перебирая страницы послѣ прочитаннаго только что рассказа. И вѣрилось въ сердце человѣческое, не обросшее красной мохнатой шерстью, вѣрилось въ то, что не сдвинуто на свѣтъ истрадавшая душа одного изъ наиболѣе чуткихъ нашихъ современниковъ. Думалось: скоро будетъ время, когда не въ однихъ любимыхъ имъ звѣздахъ высоко надъ каменнымъ колодеземъ петербургскаго дома-тюрьмы онъ станетъ находить отвѣтъ на все волнующее. И — въ просвѣтленныхъ человѣческихъ сердцахъ, какъ въ звѣздахъ.

Дальше — „Семидневекъ“, рядъ рассказовъ въ тяжелыхъ петербургскихъ лѣтъ, иногда въ самой Россіи. Рассказовъ съ яркой фабулой, живыхъ, какъ живы въ воображеніи писателя люди, подарившіе его за семь ночей дежурства подъ воротами каждый своей небылицей-быльей. Рассказы поэта. И снова просьбы прочесть еще и еще изъ петроградскаго цикла. И снова слова — какъ стоны, стоны — какъ призывъ подняться надъ землею къ примеряющимся, ласковымъ звѣздамъ, къ радости будущей.

Ремизовъ самъ обрываетъ эту цѣпь страданія. Улыбается ласково. Онъ прочтетъ теперь знакомыя большинству, свои старыя сказки про „калѣчину-малечину“, про „костромашку-кострому“. Сноетъ колыбельную „медведицѣмъ дѣткамъ“.

И вырастаютъ яркія, красочныя слова-цвѣты, выросшіе на старорусской землѣ въ недавнія, но далекія времена, когда и василькомъ голубымъ, и краснымъ макакомъ, и вьюнкомъ, и кукушкиными слезками цвѣла хлѣбородная Россія, когда дѣти бѣли и играли, а не умирали десятками тысячъ неповинныхъ жертвъ, какъ теперь.

Всемогущество художника, только что по-

селившанаго боль въ каждомъ сердцѣ, сумѣло и отнять эту боль веселыми ритмами, словечками радостной дѣтской забавы, прибауткой и бабканьемъ.

И снова просьбы слушателей: еще, еще!

Ремизовъ воскрешаетъ своего Петьку, задорнаго и задумчиваго. Петьку съ хвостатымъ — изъ мочалки хвостъ — звѣземъ. Петьку на богомольѣ, какъ размечтался Петьва о монашескомъ подвижѣ. И бабушку петкину, полную страховъ, готовую чураться и творить крестное знаменье передъ „навожденіемъ“ — капустной кочерыжкой.

Ведетъ черезъ сказочный лѣсъ выскѣкъ съ Алашеемъ и Ленкой, говоритъ звѣриными голосами, угадываетъ слова-ритмы вѣтра въ верхушкахъ клена, вводитъ въ міръ своей благоухающей поэзіи.

Въ воскресенье Алексѣй Ремизовъ, подъ докатыннее до насъ шипѣнье „Красной газеты“: „бѣжалъ“, оставилъ Ревель для дальней заграницы. Скоро мы услышимъ голосъ его со страницъ русскихъ изданій. Нужно радоваться, что тяжелая чаша новой жизни „подъ большевиками“ миновала писателя, что не будутъ трескаться отъ холода его руки, дѣрга перо, а усталымъ плечамъ не придется — съ подѣвостью совѣтской драгоцѣнности — несъядобной картофельной гнили.

Но можно ли простить свыше-трехлѣтнее издѣвательство надъ творцомъ красной толпы „торжествующихъ и довольныхъ“? Можно ли не позвать ремизовскихъ словъ, брошенныхъ этой толпѣ безъ злобы только съ болью:

„Снились ли тебѣ самъ мои, и играло ли сердце твое отъ радости, залпающей душу мою, отъ той радости, отъ которой свѣтятся весь міръ, дышутъ камни, оживаютъ игрушки, глядятъ, разговариваютъ звѣзда, и разрывалось ли сердце твое отъ тоски — скорби, которая обугливала всякій блескъ и свѣтъ? Нѣтъ, ты дрыкнешь, и тебѣ ничего не снится; нѣтъ, ты не страдаешь, ты только орешь отъ голода и визжишь отъ похоти. Какъ же ты, нищая душой, смѣешь посягать на мою волю и распоряжаться моимъ трудомъ, который есть одна живая боль? ... Понимаешь ли ты, что подѣ въдомъ благодѣянія всему народу ты запускаешь лапу не въ карманъ мой, который пустъ, а лѣзешь къ моей шеѣ, къ кресту моему, который — тяжелѣе золота и горячѣе огня?“

Яровой.